

Никулина Анжелика Геннадьевна

МЕТАФИЗИКА СТРАХА В ФИЛОСОФСКО-МЕДИЦИНСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ АНТИЧНОСТИ

Топика страха является своеобразным мостиком, связующим философию и медицину. Статья раскрывает истоки и содержание античного философско-медицинского осмысления страха в ряду синонимичных понятий: боязнь, тревога, трусость. Над этимологическим уровнем исследования надстраивается этико-эстетический, позволяющий рассмотреть категорию страха как ключевую и для морального сознания. Автор предпринимает компаративистский анализ философского и медицинского подходов к пониманию страха, которые сходятся в толковании страха как эпифеномена человеческого бытия, симптома болезни, "вредной привычки души".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/12-3/35.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 12 (50): в 3-х ч. Ч. III. С. 155-157. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/12-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 1(091)

Философские науки

Топика страха является своеобразным мостиком, связующим философию и медицину. Статья раскрывает истоки и содержание античного философско-медицинского осмысления страха в ряду синонимичных понятий: боязнь, тревога, трусость. Над этимологическим уровнем исследования надстраивается этико-эстетический, позволяющий рассмотреть категорию страха как ключевую и для морального сознания. Автор предпринимает компаративистский анализ философского и медицинского подходов к пониманию страха, которые сходятся в толковании страха как эпифеномена человеческого бытия, симптома болезни, «вредной привычки души».

Ключевые слова и фразы: страх; тревога; боязнь; трусость; боль; болезнь; надежда; свобода; смерть.

Никулина Анжелика Геннадьевна, к. филос. н.
Курский государственный медицинский университет
angelica2301@mail.ru

МЕТАФИЗИКА СТРАХА В ФИЛОСОФСКО-МЕДИЦИНСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ АНТИЧНОСТИ[©]

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-33-01018a1
«Духовная практика как философская проблема: онтологические, эпистемологические, аксиологические аспекты».*

Если заглянуть в анналы метафизики и обратиться к истокам самой мысли, можно обнаружить, что страх является сквозной, но не излюбленной темой философского вопрошания. В науке бытует поверье, что своим появлением философия обязана именно страху: страх перед бездной неизвестности побуждал и понуждал человека искать причины тех или иных явлений, а апогеем этих интеллектуальных усилий и стала философия. Но сами философы с таким положением дел не согласны: «Несмотря на то, что человеку нередко присуще знание, большинство ошибочно полагает, что не знание им управляет, а что-либо другое: иногда страсть, иногда удовольствие, а чаще – страх» [13, с. 465]. Итак, с момента возникновения философии страх почему-то сразу же переключался на периферию её интересов, незаслуженно оставаясь «в тени» порядка двух тысячелетий. Всё это время в иерархии философских проблем страху отводилось второстепенное место, поэтому он рассматривался лишь в качестве производной к проблемам первого порядка.

Античные классики сфокусировали исследовательский интерес на частных аспектах топика страха, рассматривая её в трёх плоскостях: метафизической, психологической и этической. Античная метафизика страха вращается вокруг одного-единственного вопроса: «Человек – творец или творение страха?». Психологический контекст осмысления страха простирается от поиска истоков и причин такового до анализа его функциональных характеристик и ролей в жизни человека и общества. «Как преодолеть свой страх?» – этому нас учит античная этика. Собственно медицинские исследования страха в античности немногочисленны и фрагментарны: страх не становится здесь предметом специальных изысканий, о нём упоминают лишь изредка в привязке к физическим, физиологическим и психологическим отклонениям и нарушениям. Страх в понимании древнегреческих врачей – «предвестник», или точнее – симптом болезни, своеобразная «лакмусовая бумажка», позволяющая зафиксировать дисбаланс в организме. Вместе с тем, сам страх аномален, деструктивен и патологичен: это некая «болезнь души» – единогласно сошлись античные философы и медики. Таким образом, эллинская культура в целом отражает негативистский подход к осмыслению страха.

Итак, для древнегреческой философско-медицинской традиции характерны, во-первых, этиологические интерпретации страха как феномена, точнее эпифеномена человеческого бытия, а во-вторых, – этимологические коннотации самого понятия, отсылающие к античным мифологемам. По мысли Платона, вложенной им в уста Сократа, «страх есть ожидание грядущей беды» [11, с. 290]. Ему вторит Аристотель: «...страх суть некоторого рода огорчение или смятение, возникающее вследствие воображения грядущего зла, пагубного или тягостного» [4, с. 69]. Кстати, древние греки не разграничивали понятия *δειμα* (боязнь) и *φόβος* (страх) и употребляли их как взаимозаменяемые, трактуя и то и другое как «некое ожидание зла» [13, с. 472]. Им родственна тревога (*ἀθῦμία*) – «печальная мысль, не имеющая под собой разумного основания» [12, с. 622]. Таким образом, античные философы установили, что, во-первых, предмет страха относится к запредельному миру потенциальной возможности: это то, чего нет и может никогда не быть, но тогда чего и почему мы боимся? Во-вторых, они зафиксировали соотносённость страха с главными категориями морального сознания – с понятиями добра и зла – и тем самым обосновали принадлежность страха к предметному полю этики. Кроме того, страх связывался ими с выбором самого человека, который вряд ли «захочет пойти на то, чего он боится, когда волен выбрать то, что не страшно» [13, с. 472].

По мнению древних греков, понятие страха, имеющее этическую подоплёку, этой последней не исчерпывается. Гиппократ был убеждён, что страх – в первую очередь явление физиологического порядка, которое происходит от изменения мозга, что бывает тогда, когда от желчи мозг нагревается и когда желчь через вены, разносящие кровь, с напором будет перенесена из тела на мозг, и страх до тех пор присутствует, пока она опять не возвратится в вены и в тело» [8, с. 510]. Согласно Аристотелю, «все состояния души

связаны с телом» [2, с. 395] – будь то радость, любовь, сострадание или же негодование, отвращение, страх. Всё это, добавляет он, представляет собой разные «движения души». Страх – кинезис (*κίνησις*) неразумной части души, свойственной и человеку, и животным. Но человек наделён ещё и разумом, поэтому он способен подавить свои страхи, отрешиться от них. Платон тоже связывал страх с телесностью: именно в ней, точнее в заботе о теле он усматривал источник страха. Платон именуется страх «призраком, который мешает нам улавливать бытие» [14, с. 17], это то, что затуманивает разум, сбивает его с толка и преграждает путь к истине [10, с. 604-608]. В диалоге «Аксиох» он от лица Сократа повествует об одержимом страхом смерти старце, который в своей зависимости подобен рабу. Неслучайно в древнегреческом эквиваленте страх предстаёт как *φόβος* – внезапный, безотчётный, панический страх и даже ужас. Итак, страх в понимании древних греков – всего лишь предрассудок, который необходимо преодолеть, некая преграда, заслоняющая человека от вечного и божественного «мира идей». Следовательно, чем меньше мы думаем о страхе, тем меньше мы пребываем в его власти – заключают античные классики. Таким образом, Платон и Аристотель отмечают патологическую природу страха: страх для них – порок, «болезнь души».

Аристотель, тем не менее, уловил экзистенциальную сущность страха: «Чтобы испытывать страх, человек должен иметь какую-то надежду на спасение предмета своей тревоги. Доказательством этому служит то, что страх заставляет людей размышлять, тогда как о безнадежном не размышляет никто» [4, с. 71]. Аристотель подчёркивает, что способность осознавать собственные страхи и делать их предметом своей рефлексии – отличительная черта людей. Другими словами, страх как отрицательно окрашенная эмоция двояко влияет на человека: с одной стороны, вызывает панику, робость, бездействие, с другой (и здесь он эвристичен) – побуждает, а точнее пробуждает человеческий разум к мыслительной деятельности в безвыходной, казалось бы, ситуации. Ведь мало не думать о страхе, попросту игнорируя проблему; чтобы отрешиться от своих страхов, сперва необходимо таковые осознать. Стало быть, истоки страха коренятся, выражаясь терминологией З. Фрейда, в бессознательных структурах психики индивида. И только переведя их в плоскость *Ego*, человек способен возвыситься над собственной биологической природой. Именно Аристотель зафиксировал едва заметную на первый взгляд связь страха и надежды: во-первых, предмет рефлексии и той, и другой причастен миру возможности, в связи с чем их можно определить как не имеющую под собой реального основания мысль о чём-то потенциальном; во-вторых, это две стороны одной медали, два полюса магнита, которые друг без друга существовать не могут, ибо страх всегда порождает надежду на спасение, исцеление, искупление; и, в-третьих, оба этих феномена двояко – одновременно и положительно, и отрицательно – сказываются на физическом и психическом здоровье человека.

Античная медицинская традиция в лице Гиппократов и Галена переиницирует философский подход к страху: страх всегда сопутствует болезни – это производная и одновременно её симптом. Один из «Афоризмов» Гиппократа как раз об этом: «Если страх и печаль долгое время будут угнетать, то это признаки меланхолии» [5, с. 723], причём последняя здесь трактуется им не в качестве темперамента, а как патологический процесс. Таким образом, древнегреческие медики установили, что затяжной страх по своей природе аномален; вместе с ним человек настигает дрожь, его бросает то в жар, то в холод, порой даже посещают галлюцинаторные видения. Вообще античные врачи разграничивали как минимум два аспекта страха: во-первых, страх выступает базовой эмоцией, порождённой инстинктом самосохранения, и в качестве такового он роднит человека с животными. За страхом уже давно закрепился статус «первопредка» всех остальных эмоций, он гораздо старше радости и удивления, гнева и стыда. В этом смысле страх – чисто «животное» чувство, проистекающее из биологической природы человека. Колея страхов длиной в жизнь – таков удел человека. С другой стороны, страх как оборотная сторона болезни – явление по сути антропологическое, ведь осознаётся и переживается исключительно человеком, а по природе – патологическое, поскольку нарушает естественный баланс организма. В этой связи Гален определял страх как «изнанку болезни» и «вредную привычку души» [17, р. 826]. Таким образом, страх – одновременно и привилегия, и бремя человеческого рода.

Ещё одна особенность античного осмысления страха: в трудах самих философов и врачей практически не встретишь понятие «страх», фигурирующее во множественном числе. Различая конкретные проявления страха, древнегреческие авторы своей задачей ставили исследование страха как такового, то есть анализ его природы и сущности, влияние на поведение и мировоззрение человека. Абстрагируясь от тех или иных частных видов страха, античные мыслители сфокусировали своё внимание на двух ключевых, по их мнению, вопросах: «Можно ли страшиться самого страха?», но главное – «Как этого избежать?» Тем не менее, в работах как философов, так и медиков того периода можно встретить упоминания о страхе за судьбы близких, о страхе перед болезнью, о страхе перед болью. Но с особым пристрастием ими разбирался вопрос о страхе перед смертью. Оптимистический ответ на него постарался дать Эпикур: «Смерть не имеет к нам никакого отношения, так как, когда мы существуем, смерть ещё не присутствует; а когда смерть присутствует, мы не существуем» [16, с. 356]. Поэтому, поучают античные классики, не стоит тратить время всеу на мнимые переживания.

И всё-таки страх в понимании эллинов – прежде всего этико-эстетическое понятие, вот почему их усилия были направлены на обуздание страха. Согласно Аристотелю, в следовании добродетели стоит придерживаться «золотой середины»: так, дисбаланс мужества (*ἀνδρεία*) приводит к крайностям – страху (*φόβος*) и отваге (*θάρσος*) [1, с. 88], поэтому необходимо со старанием и усердием подходить к вопросу самосовершенствования, проявляя должную заботу о развитии правильных качеств и способностей души. К этому же призывал Гиппократ, настоятельно рекомендуя больному «избегать большого страха и сильной радости» [6, с. 125]. К ним примыкал и Эпиктет. На риторический вроде бы вопрос «чего же мы на самом деле боимся?» он предлагает тривиальный на первый взгляд ответ: «Того, что не зависит от нашей свободы воли» [15, с. 94]. Таким образом, понятию «страх» Эпиктет противопоставляет категорию свободы, определяя последнюю

как «неподверженность страстям, и прежде всего, неподвластность страхам» [Там же, с. 234]. Отрешившись от своих страхов обладают подлинной свободой – таковы философы [Там же, с. 118-119]. Эпикур тоже настоятельно рекомендовал всем возрастам и поколениям на досуге почаще прибегать к занятиям философией, поскольку она одна научает, как приручить страх [16, с. 355]. Главная заслуга античных мыслителей – в том, что они не просто выявили истоки, источники и причины страха, описали его природу и влияние на человека, но и попытались указать путь, ведущий к атараксии – в идеале полному, а на практике – чаще частичному преодолению собственных страхов. Аристотель именуется этот путь катарсисом. Здесь проблема страха из этической плоскости переносится в сферу эстетики. Среди необъятного разнообразия видов и жанров искусства Аристотель отдавал предпочтение именно трагедии. Он определял её как «подражание действию важному и законченному, совершающее путём сострадания и страха очищение подобных аффектов» [3, с. 154]. При этом Аристотель сразу же оговаривает, что «сострадание возникает к безвинно несчастному, а страх – перед несчастьем нам подобного» [Там же, с. 160-161]. Таким образом, зрители, видя в главных героях самих себя, сопереживали и искренне сочувствовали им, в результате чего достигалось очищение человеческой души от пороков, болезней, недугов и прежде всего от страха.

Медицинская триада «боль – страх – болезнь» тоже досталась нам в наследство от древнегреческих врачей. Именно они первыми выстроили правильную цепочку из предложенных понятий, установив, что единичные болевые симптомы вызывают чувство страха, которое, в свою очередь, приводит к обострению предыдущих. Так возникает болезнь как комплекс болевых ощущений, подстрекаемых страхом. Гиппократ утверждал, что боль и страх всегда идут рука об руку. И только в наше время, «в эру анальгетиков особый смысл боли растворяется вместе с порошком парацетамола, свидетельствуя скорее об уровне профессионализма врача и развития медицины» [9, с. 76]. Сегодня человек в корне изменил мир, упростил и облегчил себе жизнь, даже победил боль, но так и не смог изобрести «пилюлю» от страха, преследующего его тем настойчивее, чем упорнее он от него пытается скрыться.

Античная топика страха представляет собой своеобразный мостик, связующий философию и медицину, по крайней мере, в двух абсолютно разных, независимых и несовместимых плоскостях. Во-первых, они обе тяготеют к негативистскому подходу в осмыслении страха и отмечают патологическую природу сего феномена, интерпретируя его как предрассудок, «болезнь души». А во-вторых, и той и другой, по меткому замечанию Гиппократа, чужд «суеверный страх перед богами» [7, с. 111]. Рассмотренные вкуче, эти две ветви мудрости образуют духовный иммунитет человека и общества от страха и иных напастей.

Список литературы

1. **Аристотель.** Никомахова этика // Аристотель. Сочинения: в 4-х т. М.: Мысль, 1983. Т. 4. С. 53-293.
2. **Аристотель.** О душе // Аристотель. Политика. Метафизика. Аналитика. М. – СПб.: Эксмо; Мидгард, 2008. С. 391-452.
3. **Аристотель.** Поэтика // Аристотель. Риторика. Поэтика. М.: Лабиринт, 2000. С. 149-180.
4. **Аристотель.** Риторика // Аристотель. Риторика. Поэтика. М.: Лабиринт, 2000. С. 5-148.
5. **Гиппократ.** Афоризмы // Гиппократ. Избранные книги. М.: Государственное издательство биологической и медицинской литературы, 1936. С. 691-736.
6. **Гиппократ.** Наставления // Гиппократ. Избранные книги. М.: Государственное издательство биологической и медицинской литературы, 1936. С. 117-126.
7. **Гиппократ.** О благоприличном поведении // Гиппократ. Избранные книги. М.: Государственное издательство биологической и медицинской литературы, 1936. С. 107-116.
8. **Гиппократ.** О священной болезни // Гиппократ. Избранные книги. М.: Государственное издательство биологической и медицинской литературы, 1936. С. 493-513.
9. **Гребенщикова Е. Г.** Медицина в горизонте культуры: амбивалентность медиализации // Вопросы культурологии. 2011. № 1. С. 75-80.
10. **Платон.** Аксиох // Платон. Собрание сочинений: в 4-х т. М.: Мысль, 1994. Т. 4. С. 603-611.
11. **Платон.** Лахет // Платон. Собрание сочинений: в 4-х т. М.: Мысль, 1994. Т. 1. С. 268-294.
12. **Платон.** Определения // Платон. Собрание сочинений: в 4-х т. М.: Мысль, 1994. Т. 4. С. 615-624.
13. **Платон.** Протагор // Платон. Собрание сочинений: в 4-х т. М.: Мысль, 1994. Т. 1. С. 418-476.
14. **Платон.** Федон // Платон. Собрание сочинений: в 4-х т. М.: Мысль, 1994. Т. 2. С. 7-80.
15. **Эпиктет.** Беседы. М.: Ладомир, 1997. 312 с.
16. **Эпикур.** Письмо к Менекею // Антология мировой философии: в 4-х т. М.: Мысль, 1969. Т. 1. Ч. 1. С. 354-358.
17. **Hall T. S.** Greek Medical and Philosophical Interpretations of Fear // Bulletin of the New York Academy of Medicine. 1974. Vol. 50. № 7. P. 821-832.

METAPHYSICS OF FEAR IN PHILOSOPHICAL AND MEDICAL RETROSPECTIVE OF ANTIQUITY

Nikulina Anzhelika Gennad'evna, Ph. D. in Philosophy
Kursk State Medical University
angelica2301@mail.ru

The topica of fear is a peculiar link connecting philosophy and medicine. The article reveals the origins and content of the ancient philosophical and medical understanding of fear among synonymous notions: dread, anxiety, and cowardice. The ethical-aesthetic level of research is above etymological level thus allowing us to consider fear as the key category for moral consciousness as well. The author conducts the comparative analysis of philosophical and medical approaches to the understanding of fear, which agree upon the interpretation of fear as an epiphenomenon of the human being, a symptom of disease, a "bad habit of soul".

Key words and phrases: fear; anxiety; dread; cowardice; pain; disease; hope; freedom; death.